

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 3 (54)
2021**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., акад. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия);
Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет;
Хлахула И., Dr. hab., университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша);
Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США); Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Аношко О.М., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта (Германия);
Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Зими́на О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Пошехонова О.Е., ТюмНЦ СО РАН; Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство Эл № ФС77-71754 от 8 декабря 2017 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 406-360, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2021

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 3 (54)
2021**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Chlachula J., Doctor hab., Professor, University of a name Adam Mickiewicz in Poznan (Poland)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Editorial staff:

Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Anoshko O.M., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Poshekhonova O.E., Tyumen Scientific Centre SB RAS
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

АРХЕОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-54-3-1>

Еньшин Д.Н.

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: Dimetrius666_72@mail.ru

НЕОЛИТИЧЕСКИЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ МЕРГЕНЬ 6 В НИЖНЕМ ПРИИШИМЬЕ (ГРУППЫ I И II): ХАРАКТЕРИСТИКА И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Проанализированы неолитические керамические комплексы поселения Мергень 6 (группы I и II; VII тыс. до н.э.) в контексте проблематики культурно-хронологического соотношения боборыкинских и кошкинских древностей. Приведены морфологические и орнаментальные характеристики сосудов; обоснована их принадлежность к обозначенным культурам; зафиксирован факт сосуществования. Поставлен вопрос об уточнении хронологии бытования боборыкинской керамической традиции и причинах ее вариативности.

Ключевые слова: *ранний неолит, Среднее Зауралье, Западная Сибирь, Нижнее Приишимье, Мергень 6, керамический комплекс, боборыкинская культура, кошкинская культура.*

Введение

К одним из наиболее дискуссионных в изучении неолита Среднего Зауралья относится вопрос хронологического и культурного соотношения боборыкинских и кошкинских комплексов. Основными оппонентами и разработчиками двух противоположных концепций являются В.Т. Ковалева с С.Ю. Зыряновой и В.А. Зах [Ковалева, Зырянова, 2008, 2010; Зах, 2009, 2018]. Не будем подробно излагать их точки зрения, обозначим лишь суть этих позиций в хронологическом и генетическом аспектах. По В.Т. Ковалевой и С.Ю. Зыряновой, кошкинская культура датируется ранним неолитом (VI или V тыс. до н.э.) и не связана с боборыкинской культурной традицией позднего неолита (V или IV тыс. до н.э.). По мнению В.А. Заха, боборыкинское население появляется в Зауралье уже в раннем неолите (VII тыс. до н.э.), а кошкинская традиция зарождается внутри него на рубеже VII–VI тыс. до н.э. как результат культурной трансформации. Указанная ситуация отразилась на построении культурно-хронологических схем развития неолитических комплексов и Среднего Зауралья и пограничных с ним территорий Западной Сибири (Тоболо-Ишимье). Как справедливо отметил В.В. Бобров, дискуссионность этой проблемы во многом связана с тем, что оппоненты опираются на материалы слабостратифицированных памятников, в частности, расположенных на территории Андреевской озерной системы (Среднее Притоболье) [Бобров, 2020, с. 154]. Кроме того, следует отметить слабую проработанность причин типологического многообразия неолитических керамических комплексов Зауралья (в большей степени это относится к боборыкинским древностям (см., напр.: [Ковалева, Зырянова, 2010]) и возможной их многокомпонентности. Поэтому «размываются» относительно четко определенные признаки керамики культурных групп, проблематично выделение условных «классических», «смешанных» (синкретичных), поздних — ранних групп и типов.

Помимо слабой стратифицированности памятников и неясности причин типологического разнообразия сосудов негативно сказывается на состоянии изученности неолита Зауралья недостаток дат, связанных с конкретными керамическими комплексами. Так, для боборыкинской традиции Зауралья (включая басьяновский комплекс) исследователи приводят 27 дат (горнолесная, лесостепная зоны (бассейны Исети, Миасса, Среднее Притоболье) [Мосин, 2018, с. 58; Шорин, Шорина, 2020, с. 42], а для кошкинской — от 36 до 40 (лесная и лесостепная зоны, время существования определяется серединой VII — концом VI тыс. до н.э.) [Мосин, Епимахов, 2018, с. 109; Шорин, Шорина, 2020, с. 35]. При этом, как отмечается, лишь с единичных памятников получены серии дат, превышающие пять единиц [Мосин, Епимахов, 2018, с. 112]. Подобная тенденция распространяется на все неолитические культуры обозначенной территории.

Выделенные проблемы, связанные с интерпретацией (культурной, генетической, хронологической) рассматриваемых комплексов, затрудняют изучение динамики культуры древних коллективов, факторов и механизмов ее трансформации, выявление признаков социокультурной адаптации. Это касается всего Зауралья, однако интерпретация материалов периферии ареалов носителей культурных традиций осложняется отношением к ним большинства исследователей как априори к «иным» — не показательным. С другой стороны, указывается, что для решения, например, проблем «плоскодонного» неолита (в этой плоскости находится и боборыкинская проблематика) наиболее реальным является подход с привлечением материалов «окраинных районов Зауралья» [Бобров, 2020, с. 154]. Один из таких районов — Нижнее Приишимье, и в частности Мергенский АМР, территориально относящийся к пограничным областям Зауралья и более восточными территориям Западной Сибири (Прииртышье и т.д.), но в культурном отношении на данном этапе исследований связанный в большей степени с зауральскими традициями.

Цель данной работы — представить результаты анализа неолитических керамических комплексов с поселения Мергень 6 (Нижнее Приишимье) в разрезе обозначенных проблем изучения зауральского неолита.

Памятник расположен в северной лесостепной зоне на мысовидном выступе высокой озерной поймы, образованном озером Мергень и вытекающей из него протокой Мергенской (рис. 1). На сегодняшний день на памятнике исследовано около 1500 м², выявлено 13 сооружений неолитического времени, выделено 4 группы сосудов. Планиграфический и стратиграфический анализ позволил установить хронологическое единство построек, подтвержденное серией радиоуглеродных и AMS-дат (21 ед., Combine probabilities — 2σ (95,4 %) 6095–6060 BC, OxCal v3.10, калибровочная кривая Intcal 13 [Reimer at al., 2013]). Данное положение было подкреплено и результатами пространственного анализа распространения керамики (по методу «связей») [Еньшин, 2020].

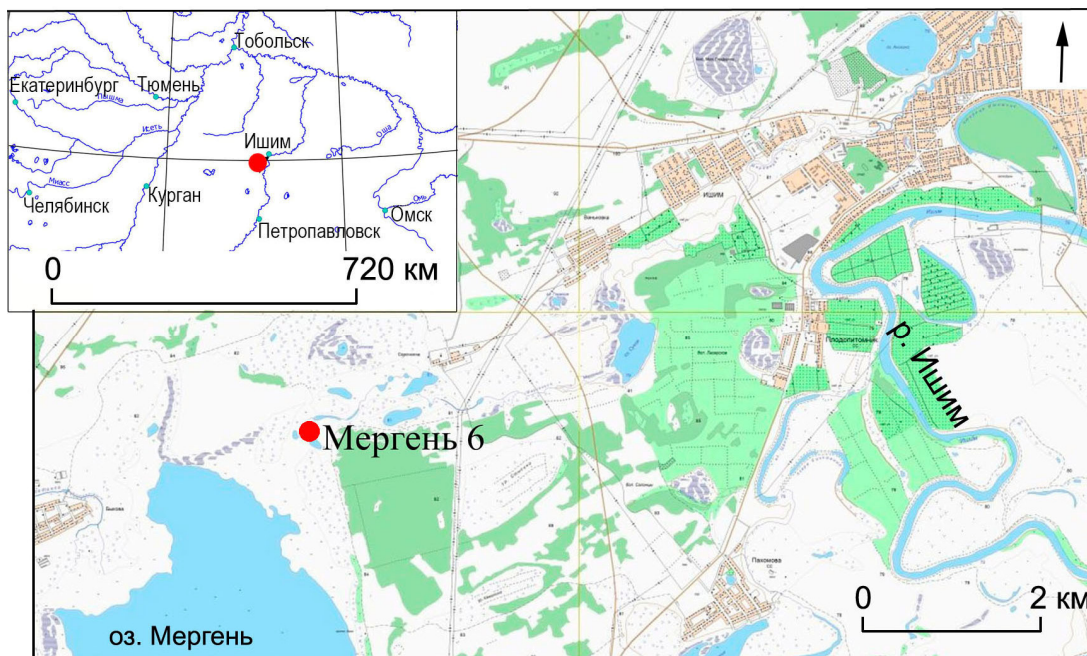

Рис. 1. Место расположения поселения Мергень 6 в Нижнем Приишимье.
Fig. 1. The location of the settlement Mergen 6 in the Lower Ishim River Region.

Методика

В методическом отношении анализ керамического комплекса проводился с позиций сочетания элементов двух подходов: формально-классификационного и историко-культурного [Цетлин, 2017, с. 94–95, 261–265]. Определение типов отдельных морфологических элементов форм и орнаментов на сосудах осуществлялось согласно классификациям В.Т. Ковалевой и С.Ю. Зыряновой, предложенным для интерпретации кошкинских и боборыкинских комплексов [2008, с. 73–113; 2010, с. 230–231]. Анализ деталей формы сосудов учитывал следующие компоненты: срез венчика, венчик, шейка, тулово, дно. Изучение орнаментации включало две сту-

пени: технологическую (инструмент и техника нанесения) и стилистическую (структурные компоненты декора, характер системной организации компонентов, связь компонентов со структурой формы сосудов). В качестве основных структурных компонентов декора рассматривались: *элемент* («отпечаток» или динамический след на поверхности сосуда, созданный мастером за один трудовой акт (по Ю.Б. Цетлину [2017, с. 245]); законченная геометрическая фигура, имеющая несколько вариантов конфигурации и «заполнения фигуры» (по В.Т. Ковалевой и С.Ю. Зыряновой [2010, с. 236]), *мотив* (организованные элементы и узоры, определенным образом повторяющиеся (тиражирующиеся) на поверхности сосуда [Цетлин, 2017, с. 245]; ритмичные ряды из повторения одного и того же элемента [Ковалева, Зырянова, 2010, с. 236]), *композиция* (совокупность мотивов в сочетании с зонами и участками без орнамента [Цетлин, 2017, с. 245]; комбинация различных мотивов [Ковалева, Зырянова, 2010, с. 236]).

Отдельного пояснения требует интерпретация некоторых рельефных элементов декора и формы сосудов — валики, наплывы, «воротнички», карнизы. Под *валиком* понимается небольшое утолщение преимущественно с внешней стороны сосуда (скругленной, подпрямоугольной или подтреугольной формы) в бордюрной зоне под венчиком, а также в придонной части, образованное применительно к рассматриваемому комплексу формованием — вытягиванием (ручной сгонкой части лепного материала в тонкую линию вокруг сосуда) либо путем близкого прочерчивания двух прямых горизонтальных линий, между которыми образовывался выступ (валик). Под *напльвом* понимается утолщение (преимущественно подтреугольной формы) с внутренней стороны сосуда в бордюрной зоне под венчиком, имеющее плавный подъем от края венчика и более резкий спуск за «вершиной», образованное, вероятно, путем формования (загиб края сосуда и последующее заглаживание с приданием формы?) или «сгонки» излишков лепного материала при оформлении горловины емкости. Согласно классификации В.Т. Ковалевой и С.Ю. Зыряновой напльвами называются и закраины дна сосудов, обозначаемые в публикации так же, как придонные валики плоскодонных изделий [2010, с. 231]. Под *воротничком* понимается утолщение шириной до 3–4 см на внешней стороне сосуда, расположенное непосредственно под краем среза венчика, образованное, вероятно, загибом края горловины сосуда на внешнюю сторону и последующим заглаживанием. К категории *карниза* отнесен выступ края (внутреннего или внешнего) среза венчика, образованный путем вытягивания/формования или, вероятно, загиба верхней части горловины сосуда.

При анализе приемов нанесения орнамента на поверхности сосудов использовались такие понятия, как «отступающе-прочерченная», «прочерченная», «накольчатая» техника, штампование¹. В данной работе термин «отступающе-прочерченная техника» рассматривается как синоним используемому некоторыми исследователями понятию «отступающе-накольчатая техника» и «отступающая палочка» и подразумевает движение орнаментира без отрыва от поверхности с периодическим нажатием.

Анализ керамики проводился «по жилищам» (в закрытых комплексах), однако выявленное единообразие (с некоторыми нюансами) и установленное хронологическое единство жилищных комплексов позволило в данной работе рассматривать керамические группы совокупно, т.е. со всего памятника, а сравнительный анализ посуды «по жилищам» будет представлен в последующих публикациях. Кроме того, многочисленность совокупного комплекса: 520 изделий — 4 группы (64 % из сооружений и 36 % с межжилищного пространства) + комплекс доньшек (168 ед.) — не позволяет уместить характеристику всей посуды в одной публикации, в связи с чем и исходя из поставленной цели в представленной работе дается описание двух групп сосудов (обладающих признаками боборыкинской и кошкинской традиций), а оставшиеся две будут охарактеризованы в последующей.

Результаты

Описание керамических комплексов

Группа 1 представлена 69 емкостями (13 % от всего комплекса) (рис. 2). В морфологическом отношении выделены две подгруппы: банки (36/52 %) ² и горшки (33/48 %). Археологически целыми зафиксированы 5 емкостей (8 % от группы). Диаметр устья у определяемых сосудов варьируется в пределах от 13 до 44 см. Преобладают вытянутые пропорции. Поверхность подвергалась заглаживанию и уплотнению. Толщина стенок 0,8–1 см.

По оформлению среза и форме венчика выделено 3 подгруппы (рис. 3, 4).

¹ о/п — отступающе-прочерченная техника, п — прочерченная, н — кольчатая, ш — штампование.

² Здесь и далее в числителе — количество сосудов, в знаменателе — процент от комплекса/группы.

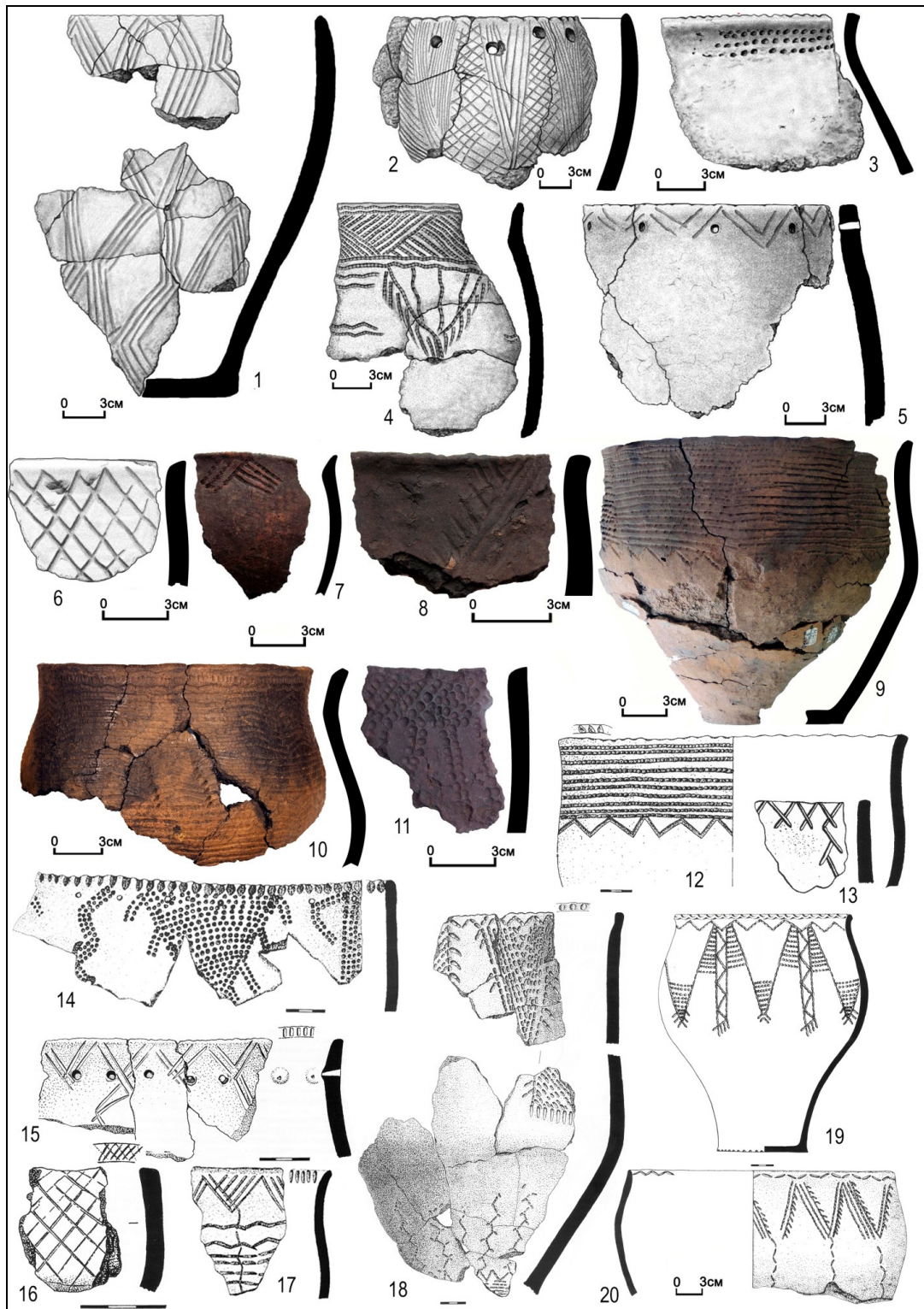

Рис. 2. Сосуды группы I поселения Мergenь 6 (1–11); сосуды боборыкинского типа: 12–15, 17 — пос. ЮАО-V, 16 — пос. ЮАО-IX, 18 — пос. ЮАО-XII, 19 — пос. Ташково I, 20 — пос. Усть-Сурское 4 (по В.Т. Ковалевой и С.Ю. Зыряновой [2010]).

Fig. 2. Vessels of group I from the settlement of Mergen 6 (1–11); vessels of the Boborykino type: 12–14, 17 — set. YuAO-V, 16 — set. YuAO-IX, 18 — set. YuAO-XII, 19 — set. Tashkovo I, 20 — set. Ust-Suerskoe 4 (according to V.T. Kovaleva and S.Yu. Zyryanova [2010]).

Неолитический керамический комплекс поселения Мергень 6 в Нижнем Приишимье...

Рис. 3. Соотношение форм срезов венчиков сосудов группы I.

Fig. 3. The ratio of the cut shapes of the rims of the vessels of group I.

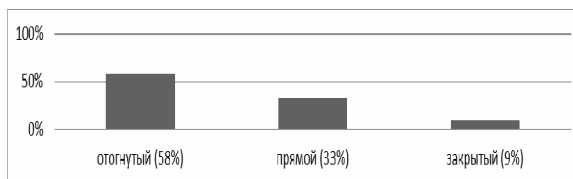

Рис. 4. Соотношение форм венчиков сосудов группы I.

Fig. 4. The ratio of the corolla shapes of the vessels of group I.

Доминируют сосуды с округлым (по оформлению среза) и отогнутым венчиком (открытые емкости). Необходимо отметить, что корреляции форм венчиков с определенными формами сосудов (банки/горшки) не выявлено. Однако при сопоставлении форм сосудов и форм венчиков прослеживается следующая тенденция: в горшечной доминирует отогнутый венчик (79%), в баночной наблюдается относительно равномерное присутствие форм.

В подгруппе профилированных сосудов выделено 3 типа шеек, среди которых преобладает вогнутая (рис. 5).

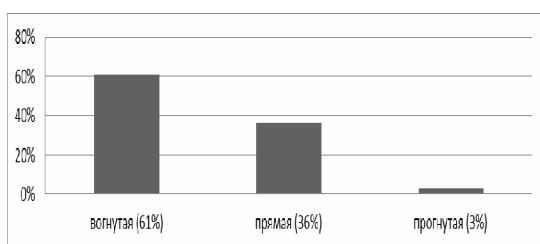

Рис. 5. Соотношение форм шеек профилированных сосудов группы I.

Fig. 5. The ratio of the necks of profiled vessels of group I.

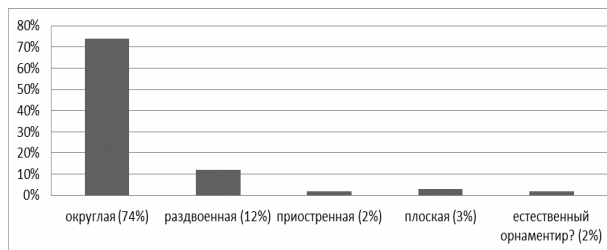

Рис. 6. Соотношение форм рабочих частей орнаментов сосудов группы I.

Fig. 6. The ratio of the shapes of the working parts ornamentation rod of the vessels of group I.

Непосредственно с сосудами I группы удалось соотнести 2 плоских доньшка — с наплывом и без наплыва. На одной емкости отмечен наплыв с внутренней стороны под краем горловины, на другой — утолщение с внешней стороны от края венчика, напоминающее воротничок. Кроме того, в изломах двух сосудов в венчике отмечены каналы от сгоревшего шнура.

В орнаментальном плане рассматриваемый комплекс делится на две группы — сосуды без орнамента (10/14%) и с орнаментом (59/86%). В качестве орнамента использовались стержни с различным оформлением рабочего края, при этом абсолютно доминирующим является округлый (рис. 6).

На ряде сосудов отмечено сочетание использованных орнаментов: с округлым и раздвоенным рабочим краем (1/2%), с округлым и острым (3/5%).

Анализ по степени корреляции орнаментов и форм сосудов выявил следующую тенденцию. Стержень с округлым рабочим краем использовался в равной степени для оформления поверхностей как банок (24/40% от орнаментированного комплекса), так и профилированных емкостей (20/34%). Следы же инструмента с раздвоенным рабочим краем отмечены в основном на горшечных сосудах (6/10%) и на одной банке (2%).

Анализ следов движения орнаментов позволил выделить три техники нанесения орнаментов: отступление с прочерчиванием (31/52%), прочерчивание (22/37%) и накол (24/41%). При этом в комплексе присутствуют как сосуды, оформленные только в одной технике, так и емкости, орнаментация которых выполнена разными приемами. Доля посуды с «монотехническим» оформлением составляет 76% (от орнаментированной группы). В данной группе количество сосудов, украшенных в отступающе-прочерченной технике, превышает показатели емкостей с наколчатым и прочерченным декором, сопоставимых между собой (рис. 7).

Комплекс с «политехническим» орнаментом значительно меньше — 24%. В него в основном включены изделия с изображениями в двух техниках, однако на одном сосуде встречено сочетание всех трех приемов нанесения декора (рис. 8).

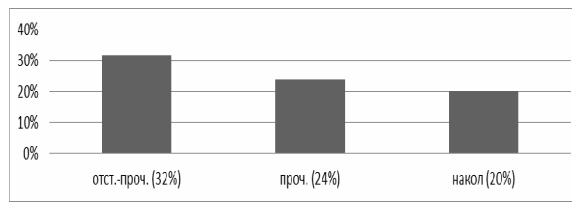

Рис. 7. Соотношение сосудов, орнаментированных в одной технике (группа I).

Fig. 7. The ratio of vessels ornamented in one technique (group I).

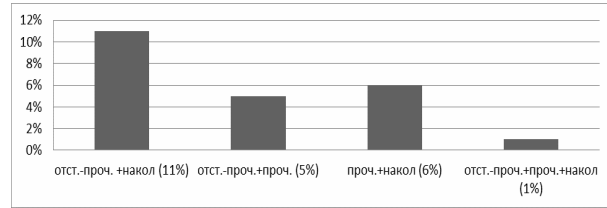

Рис. 8. Соотношение сосудов, орнаментированных в нескольких техниках (группа I).

Fig. 8. The ratio of vessels ornamented in several techniques (group I).

Что касается корреляции форм сосудов и приемов нанесения орнамента, то прослеживается следующая тенденция. В «монотехничном» комплексе отступающе-прочерченная техника доминирует на горшечных сосудах (80 % от группы с о/п), а на сосудах баночной формы — прочерченная и накольчатая (60–80 % от групп с п или н). Та же картина наблюдается в «политехничном» комплексе: в группах, где есть о/п техника, доминируют горшки, а где нет — банки.

Зональность нанесения орнамента наиболее достоверно определена у 43 сосудов (73 % от комплекса с орнаментом), при этом изделий с полностью декорированной поверхностью — 10/23 %, а емкостей с орнаментикой в верхней трети — 33/77 %. Кроме того, изображения отмечены также с внутренней стороны под краем венчика (24/40 % от орнаментированного комплекса), у части сосудов художественно оформлен его срез (37/63 %).

Доминирующим элементом декора внутренней зоны под краем горловины выступают вертикальные или наклонные короткие прямые линии, выполненные прочерчиванием, отступанием с прочерчиванием или оттисками профиля стержневого орнаментира. Из них образовывались мотивы в виде поясов в бордюрной зоне. Подобный декор выявлен на 15 изделиях (62 % от комплекса с внутренней орнаментацией). Элемент в виде зигзага присутствует на 5 сосудах (21 %). При этом в двух случаях он составлен из отдельных «уголков», еще в двух встречен в сочетании с горизонтальной прямой линией из близко поставленных наколов. Такое же количество сосудов с горизонтальной волнистой линией (5/21 %), единичен сосуд с горизонтальным линейным декором.

Срез венчика оформлялся четырьмя элементами: насечки (21/57 %), V-образные оттиски орнаментира (4/11 %), округлые наколы (3/8 %), вдавления пальцев гончара (9/24 %), придававшие срезу горловины волнистый характер.

Орнаментацию внешней поверхности сосудов этой группы можно разделить на две категории: простые (мотивы и композиции из простых элементов) и сложные (декор, содержащий усложненные геометрические фигуры и композиции).

Комплекс с простыми орнаментами насчитывает 38 емкостей (64 % от орнаментированного комплекса). Преобладают композиции, составленные из прямолинейных элементов, — 24/41 %. На 9 сосудах декор на уровне мотива представлен бордюрами в виде пояса из вертикальных или наклонных линий под краем венчика или по шейке. В остальном же данная группа демонстрирует мотивы из монотонных горизонтальных прямых линий или из разреженных сдвоенных, нанесенных в основном в верхней трети сосуда. Меньшую долю составляет декор, построенный на сочетании двух элементов — горизонтальных прямых и волнистых линий (3/5 %). Композиционно такой вариант группировки повторяет монотонность линейных мотивов, но в него в качестве горизонтального ограничителя орнаментального поля добавлена волнистая линия (одиночная или сдвоенная), нанесенная в бордюрной зоне под венчиком, по шейке или тулову. Столь же немногочисленна группа сосудов, украшенных зигзагом (3/5 %). В двух случаях разреженные вертикальные фигуры спускаются от венчика ко дну, в одном — сдвоенный горизонтальный зигзаг в накольчатой технике нанесен в бордюрной зоне под краем горловины емкости. Чуть большее количество сосудов украшены композициями из зигзагов и прямых линий (8/13 %). Первый в них выступает и в качестве ограничителя орнаментального поля, заполненного линейными мотивами, аналогично линейно-волнистым композициям (4 сосуда), и в качестве «равноправного» элемента, в композициях, построенных на чередовании зон, составленных мотивами из зигзагов и прямых линий (4 сосуда).

Группа с усложненным декором насчитывает 21 сосуд (36 % от орнаментированного комплекса; рис. 9). Основу его построений составляют геометрические фигуры — треугольники, ромбы, трапеции, многоугольники, ромбическая сетка. Треугольники как элемент этих компози-

Неолитический керамический комплекс поселения Мергень 6 в Нижнем Приишимье...

ций наиболее распространены — 13/59 %. В основном это фигуры, направленные острием вниз (8 сосудов) или чередующиеся с ориентацией верх-низ (5 сосудов). Их внутреннее пространство во всех случаях заполнялось наклонной или прямой штриховкой, взаимопроникающими уголками, редкими вертикальными волнистыми линиями. В одном случае с внешней стороны по контуру треугольника нанесены короткие вертикальные отрезки, образующие своеобразную «бахрому» или «подвески», в другом — от ориентированных вниз вершин отходят сдвоенные наклонные короткие прямые линии, еще на трех сосудах — вертикальные зигзаги. Треугольные фигуры на уровне самостоятельных мотивов размещались в виде бордюров в основном под венчиком, а также бордюров по шейке в составе композиций с горизонтальными ограничителями/разделителями или мотивами из прямых либо волнистых линий.

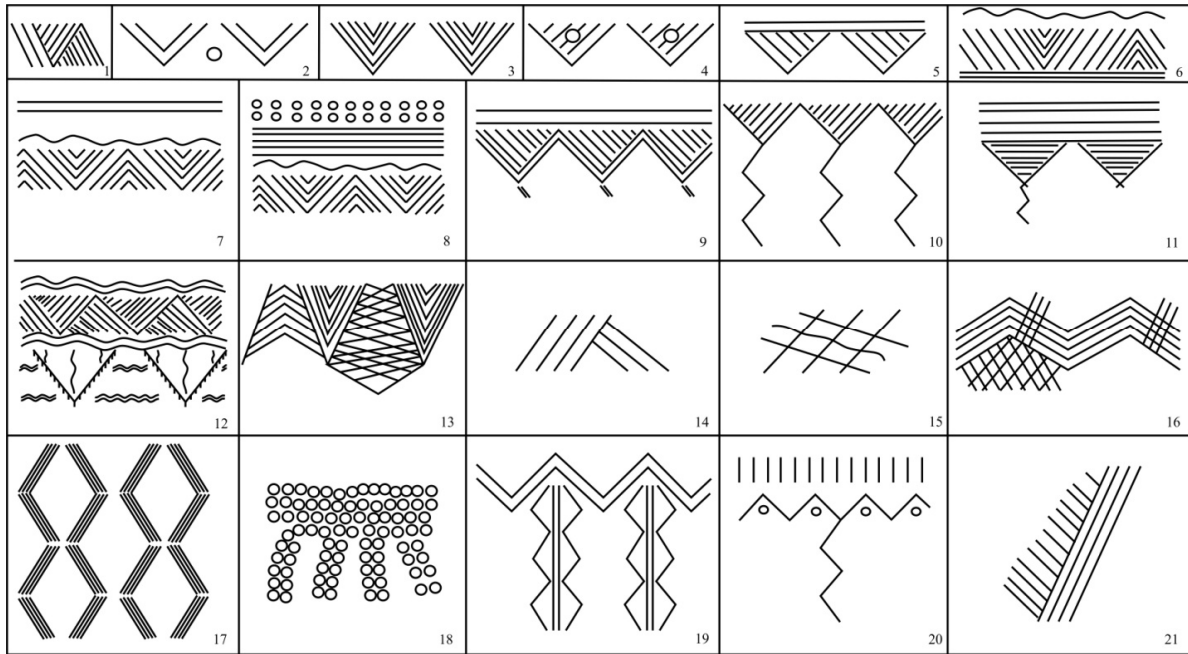

Рис. 9. Схемы усложненных орнаментальных элементов и композиций сосудов группы I.

Fig. 9. Schemes of complicated ornamental elements and compositions of vessels of group I.

Ромбовидные фигуры встречены на 3 сосудах. Образованы штриховкой, наколами, в одном случае — вертикальными сгруппированными по 4 зигзагами, опускающимися от края изделия ко дну. Ромбическая сетка использовалась для декорирования еще трех емкостей: в одном случае как самостоятельный элемент, в другом — в составе композиции, заполняя одну из областей мотива из горизонтальных зигзагов, в третьем — как заполнение многоугольной фигуры. Последний вариант встречен в интересной сложной композиции на сосуде из сооружения № 22 (рис. 2, 2). Она представляет собой пояс чередующихся треугольных и трапециевидных/многоугольных фигур. Треугольные фестоны заполнены взаимопроникающими углами, ориентированными вниз, трапециевидные фигуры — углами, направленными вверх, а многоугольные — ромбической сеткой. Определенный интерес вызывает композиция, составленная из нанесенных в бордюрной зоне под венчиком двух горизонтальных зигзагов, от направленных вверх углов которых вертикально спускаются две прямые линии, обрамленные симметричными зигзагами. Последние сгруппированные фигуры характерны для зауральского неолита, и в частности для боборыкинских комплексов. Также определенной чертой мергенской коллекции является наличие разреженных ямочных вдавлений на единичных сосудах в бордюрной зоне под венчиком или по шейке.

В целом представленная группа посуды в орнаментальном отношении отличается фактическим отсутствием повторяющихся изображений на уровне композиций, особенно в категории сложных орнаментов.

Группа II представлена 167 сосудами (32,5 % от всей коллекции). В морфологическом отношении это баночный комплекс (162/97 %) при единичном присутствии горшечных форм (5/3 %) (рис. 10).

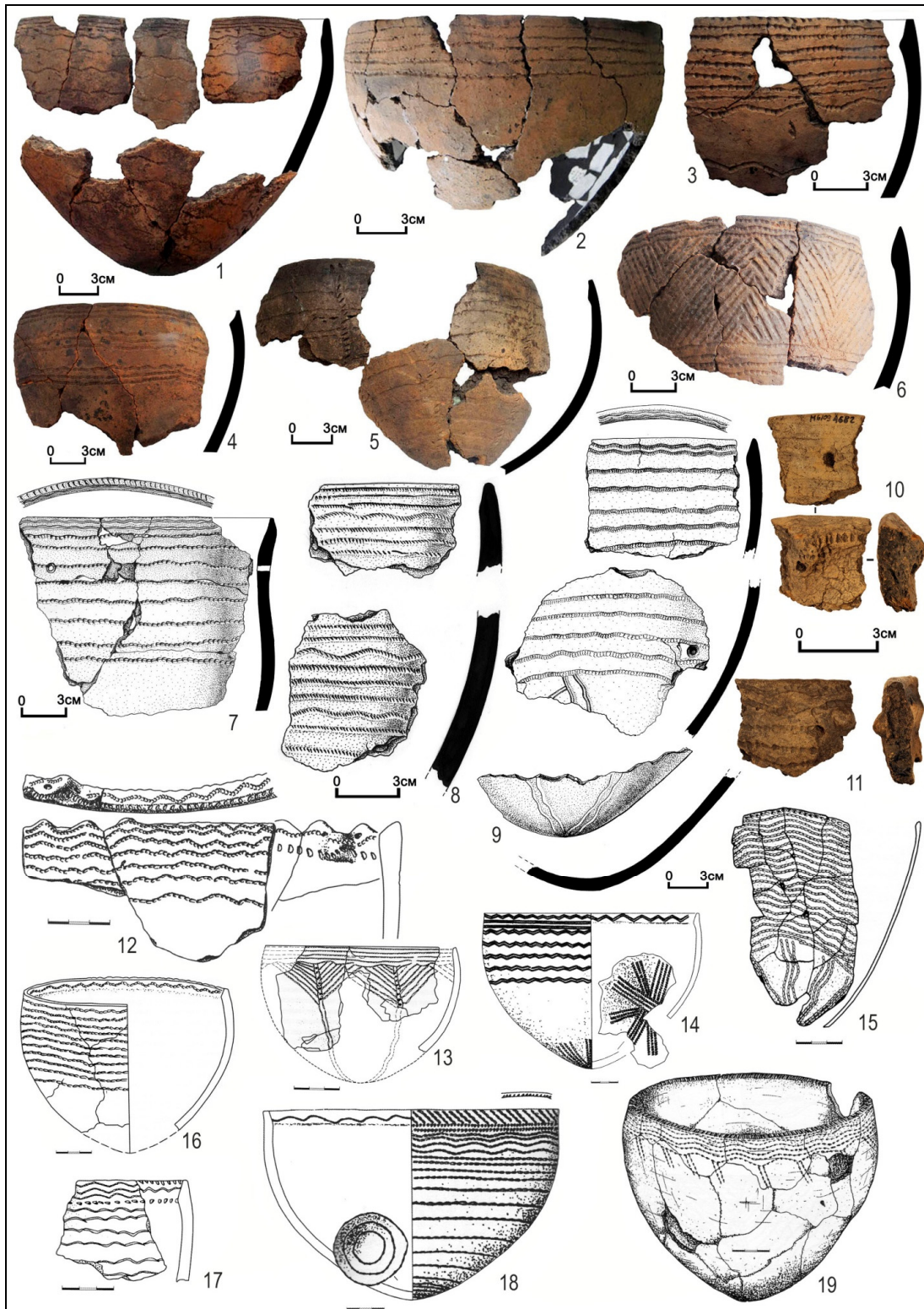

Рис. 10. Сосуды группы II поселения Мергень 6 (1–11); кошкинского типа: 12 — пос. ЮАО-VI, 13–14, 17–19 — пос. Ташково III, 15 — пос. Кокшарово VII, 16 — пос. Лисья Гора (по В.Т. Ковалевой и С.Ю. Зыряновой [2008, с. 73–113]).

Fig. 10. Vessels of group II from the settlement of Mergen 6 (1–11) and vessels of the Koshkino type: 12 — set. YuAO-VI, 13–14, 17–19 — set. Tashkovo III, 15 — set. Koksharovo VII, 16 — set. Lis'ya Gora (according to V.T. Kovaleva and S.Yu. Zyryanova [2008, p. 73–113]).

Неолитический керамический комплекс поселения Мергень 6 в Нижнем Приишимье...

По оформлению среза венчика выделено три подгруппы: с округлым, плоским, приостренным (рис. 11). Преобладает округлый профиль.

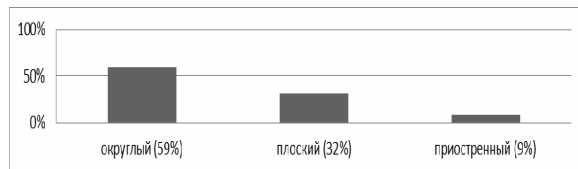

Рис. 11. Соотношение форм срезов венчиков сосудов группы II.

Fig. 11. The ratio of the cut shapes of the rims of the vessels of group II.

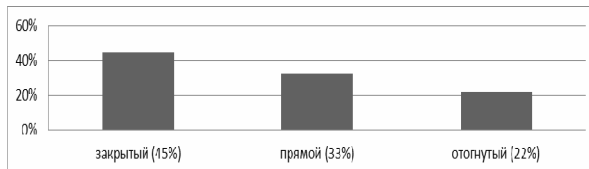

Рис. 12. Соотношение форм венчиков сосудов группы II.

Fig. 12. The ratio of the corolla shapes of the vessels of group II.

По форме самого венчика также выделено три подгруппы емкостей: с закрытым, прямым и отогнутым (рис. 12). Преобладают закрытые формы сосудов, но и остальные представлены значительным количеством.

Наплыв на внутренней стороне в зоне под венчиком присутствует на 120 сосудах (72 % от комплекса). Кроме того, на 3 изделиях профилированной подгруппы выделяется «воротничок». Еще на двух емкостях по краю среза венчика оформлен карниз. Также на около 15 % сосудов обозначен скос с одной или двух сторон края венчика. Донышки у изделий данной группы преимущественно округлой формы, единично приостренной и уплощенной. Необходимо отметить, что с двумя емкостями соотнесены плоские донышки (с напывом и без). Археологически целыми зафиксировано 17 сосудов (10 % от комплекса). Диаметр устья наиболее достоверно удалось определить у 24, при этом доминируют емкости с размером горловины от 20 до 30 см (17 изделий), меньшего размера — 5 (8–20 см), крупных 2 (30–37 см).

Все емкости орнаментированы. В качестве инструмента нанесения декора использовались стержни с разным оформлением рабочего края: округлый, раздвоенный, острый, плоский (рис. 13). Также на нескольких сосудах зафиксированы следы предположительно естественного орнамента (челюсть животного?).

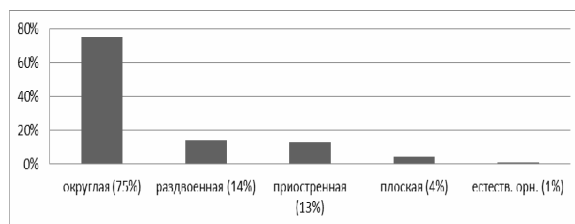

Рис. 13. Соотношение форм рабочих частей орнаментов сосудов группы II.

Fig. 13. The ratio of the shapes of the working parts ornamentation rod of the vessels of group II.

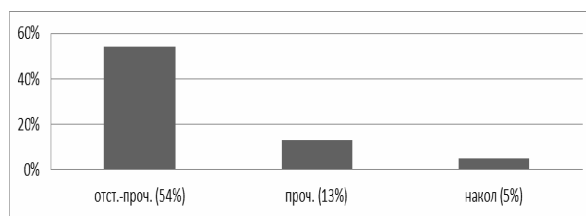

Рис. 14. Соотношение сосудов, орнаментированных в одной технике (группа II)

Fig. 14. The ratio of vessels ornamented in one technique (group II).

В комплексе присутствуют как емкости, оформленные одним орнаментом (157/94%), так и сосуды, орнаментация которых выполнена несколькими инструментами (10/6 %).

Анализ следов движения стержня по поверхности позволил выделить три техники нанесения изображений: отступающе-прочерченная, прочерченная и накольчатая. Подгруппа сосудов, декор которых выполнен в одной технике, насчитывает 120 изделий (72 % от комплекса). Доминирующей является отступающе-прочерченная (рис. 14).

Подгруппа, в которой отмечено сочетание нескольких техник на одном сосуде, представлена на 47 емкостями (28 %). В ней наблюдается та же картина, что и в предыдущей,— доминирование сочетаний с о/п (рис. 15).

Зональность нанесения орнамента наиболее достоверно удалось определить у 140 сосудов (84 % от комплекса). На внешней поверхности 56 емкостей (40 % от определяемого комплекса) изображения присутствуют в верхней трети или в бордюрной зоне под венчиком. 84 изделия (60 %) декорированы полностью. При этом плотность нанесения декора в категории полной орнаментации варьировалась между собственно плотным, разреженным и сочетанием

плотного в верхней трети и разреженного по тулову и в придонной части. Кроме того, у 95 сосудов (57 % от всего комплекса) нанесен орнамент на внутренней поверхности в зоне под венчиком, из них на 75 с наплывом (по наплыву; 62 % от группы с наплывами) и 20 емкостях без наплыва (42 % от группы без наплывов). Срез венчика декорирован также у 95 изделий (57 % от всего комплекса).

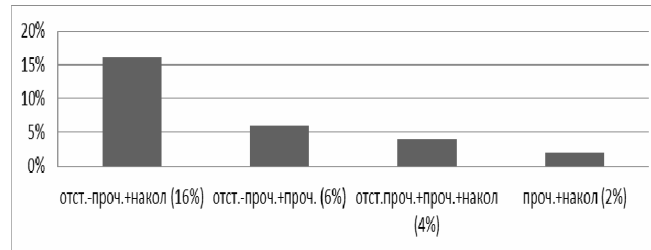

Рис. 15. Соотношение сосудов, орнаментированных в нескольких техниках (группа II).
Fig. 15. The ratio of vessels ornamented in several techniques (group II).

Срез горловины в художественном отношении оформлялся разными элементами. Преобладают насечки (75/79 %) и наколы (12/13 %). Единично присутствуют волнистые линии и зигзаг. Декор на внутренней части сосудов (по наплыву и без него) также представлен несколькими элементами, мотивами из них и простейшими композициями. Доминирует горизонтальная волна (41/43 %). Горизонтальные и наклонные прямые линии, зигзаг встречены в сопоставимых пропорциях (10–14 %), наносились как в одиночном варианте, так и в сгруппированном по два, три элемента. Среди простейших композиций часто встречается сочетание горизонтального зигзага с линией наколов (14/15 %). Меньшую долю составляет группировка волнистой линии и наколов (5/5 %).

Орнаментация внешней поверхности представлена главным образом теми же простыми элементами, образующими мотивы и композиции. Необходимо отметить, что в комплексе встречены сосуды, декор которых выполнен одним элементом (67/40 % от всего комплекса), и емкости, композиции на которых составлены из нескольких простых элементов (86/52 %).

Орнамент из волнистых линий присутствует на 37 сосудах. Наиболее распространенный вариант — мотивы в виде монотонных разреженных горизонтальных элементов по всей поверхности сосуда (12 ед.). Встречаются и такие варианты волнистой орнаментации, как горизонтальная одиночная или сдвоенная линия в бордюрной зоне под венчиком, монотонные плотно нанесенные волнистые линии по всей поверхности, разреженные одиночные волнистые линии по всей поверхности, сдвоенные волнистые линии, разреженно по всей поверхности.

Декор, составленный исключительно из прямых линий, присутствует на 27 сосудах. Наиболее часто встречаемым мотивом в данной группе являются заполняющие поверхность частые горизонтальные линии — 10 изделий. Прямые линии наносились и в виде разреженных горизонтальных пар на всей поверхности сосудов, и в виде групп из двух или трех линий в бордюрной зоне под венчиком и т.д. Наклонные прямые линии составляли пояса в бордюрной зоне или по тулову.

Изображения из зигзагов встречены единично (3 сосуда) и в целом повторяют структуру волнистого декора.

Композиции, построенные на сочетании двух элементов, присутствуют на 85 сосудах (51 % всего комплекса). Наиболее представительной в этом отношении является группа с линейно-волнистым орнаментом — 53 емкости. В таких комбинациях волнистые линии присутствуют в виде горизонтальных или вертикальных разделителей/ограничителей полей, заполненных прямыми линиями. Наиболее частым является нанесение одиночной горизонтальной волнистой линии в бордюрной зоне, а ниже плотного поля — горизонтальных прямых (7 сосудов). Еще одним вариантом построения композиций было плотное расположение прямых линий в верхней трети орнаментального поля, а по тулову и у дна — одиночных горизонтальных волнистых. В нескольких случаях композиции построены на чередовании прямых и волнистых линий или помещении нескольких прямых линий между двумя волнистыми.

Линейно-зигзаговый принцип построения декора зафиксирован на 31 сосуде. Композиции в данной группе составлены аналогичным образом, что и в линейно-волнистой группе (например, несколько прямых линий, заключенных между двумя зигзагами). Единично также встречаются сосуды, на которых орнаментация строится на комбинации трех элементов — несколько прямых линий, ограниченных с одной стороны волной, а с другой — зигзагом.

Неолитический керамический комплекс поселения Мергень 6 в Нижнем Приишимье...

Отдельную немногочисленную подгруппу сосудов составили изделия с линейно-волнистыми композициями, содержащими геометрические фигуры — треугольные и трапециевидные (8/5 % от всего комплекса; рис. 16).

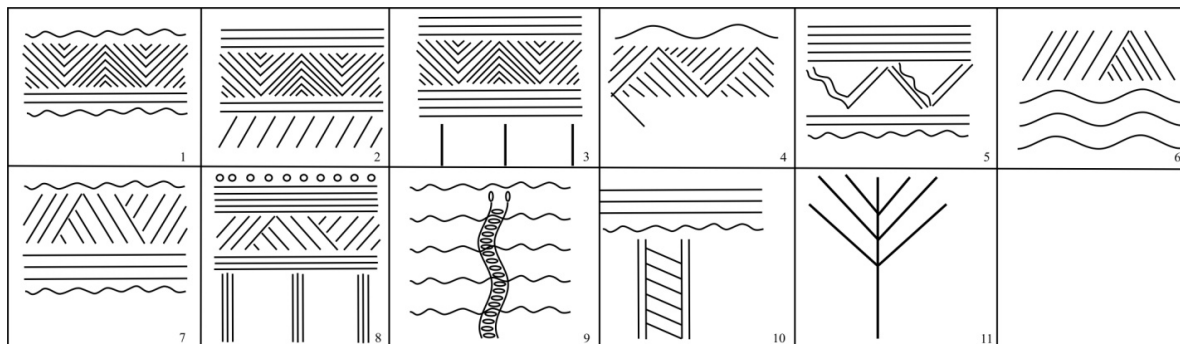

Рис. 16. Схемы усложненных орнаментальных элементов и композиций сосудов группы II.
Fig. 16. Schemes of complicated ornamental elements and compositions of vessels of group II.

Пояса из этих элементов располагались преимущественно в верхней трети емкостей, единично по тулову. Преобладает мотив из чередования разнонаправленных треугольников, заполненных либо взаимопроницающими углами, либо наклонной штриховкой. Трапециевидные фигуры составлялись из разнонаклонных прямых линий.

В комплексе присутствует сосуд с древовидным изображением. На двух емкостях в волнистую и линейно-волнистую схемы вписаны вертикальные «лесенки» (рис. 10, 5). На фрагментах еще двух изделий присутствуют элементы рельефного декора в виде налепов (в одном случае с внутренней стороны, в другом — с внешней). Один является частью сосуда с наплывом на внутренней поверхности (рис. 10, 11). С внешней стороны под краем венчика в линейно-волнистую композицию вписан «жемчужный налеп». С трех сторон от него (с боков и снизу) нанесены глубокие ямочные вдавления, от которых вниз опускаются вертикальные прямые линии. Второй фрагмент является частью сосуда со скошенным внутри венчиком (рис. 10, 10). По скосу нанесен двойной горизонтальный зигзаг двузубой палочкой прочерчиванием с легким отступанием. По образованному скосом ребру нанесен горизонтальный ряд слегка вытянутых наколов. В зоне этого ребра помещен «жемчужный налеп», внизу которого (если считать от края венчика) выполнено глубокое ямочное вдавление (возможно, сквозное отверстие). По самому налепу нанесены многочисленные мелкие наколы. В целом элемент помещен в треугольную фигуру-фестон и имеет зооморфные очертания.

Определенной особенностью комплекса является и то, что на некоторых сосудах встречается плавное «перетекание» одного элемента в другой (например, волна в прямую линию) или одной техники в другую на одном элементе (о/п-п-н). Кроме того, на трех сосудах зафиксировано включение в общую композицию элементов, вероятно имитирующих «сшивание». Они представлены вертикальными или наклонными линиями (в составе поясов), на концах которых нанесены глубокие ямочные вдавления. Разреженные ямки также отмечены на единичных сосудах по тулову или в бордюрной зоне под венчиком.

Обсуждение и результаты

Представленные выше группы керамики характеризуются следующими основными признаками. *Группа I* — плоскодонные (с наплывом и без), преимущественно толстостенные сосуды баночной и горшечной формы, с открытым или прямым венчиком, вогнутой или прямой шейкой, орнаментом преимущественно в верхней трети и придонной части, а также на внутренней поверхности. В качестве орнамента доминирует стержень с округлым рабочим краем. Декор наносился в технике отступания с прочерчиванием, прочерчивания и накола. На уровне элементов и мотивов преобладает прямая линия. Особенностью орнаментики является высокая доля усложненных композиций с геометрическими фигурами (36 % от орнаментированного комплекса, заштрихованные треугольники, треугольники с подвесками, ромбы, ромбическая сетка, абстрактные фигуры). Другой особенностью является наличие неорнаментированных емкостей (14 % коллекции).

Группа II — округлодонные баночные сосуды, с закрытыми, прямыми и открытыми формами, рельефными особенностями в виде наплывов на внутренней части, воротничков на внешней, а также скосов и карнизов по краям срезов венчиков. Декор присутствует на всех сосудах, преимущественно покрывает всю внешнюю поверхность (60 %). В качестве орнамента главным образом использовался стержень с округлым рабочим краем. Преобладает отступающе-прочерченная техника нанесения изображений. На уровне элементов и мотивов доминирует линейно-волнистый орнамент в виде монотонных горизонтальных прямых или волнистых линий в плотном или разреженном построении. Доля усложненных геометрическими фигурами композиций незначительна (5 %; заштрихованные или заполненные вложенными друг в друга углами треугольники, трапеции). Особенностью также является присутствие сосудов с древовидным изображением, вертикальными элементами — «лесенками», рельефными налестками.

Анализ керамических групп позволил провести их сопоставление с известными в Зауралье комплексами. Группа I демонстрирует основные черты боборыкинской культурной традиции (морфология, орнаментика), аналогичные как выделенным К.В. Сальниковым по материалам эпонимного поселения Боборыкино II, так и представленным в обобщающей монографии В.Т. Ковалева и С.Ю. Зыряновой «Неолит Среднего Зауралья: боборыкинская культура» [Сальников, 1961а, с. 3–8; с. 1961b, с. 13; Ковалева, Зырянова, 2010, с. 222–254]. Сходство (идентичность!) прослеживается даже на уровне сопоставления отдельных сложных геометрических фигур в составе композиций боборыкинских комплексов горно-лесного и лесостепного Зауралья [Ковалева, Зырянова, 2010, с. 238–242] и мергенской коллекции. По мнению исследователей, многие из выделенных сложных сюжетных композиций, в которых присутствуют данные фигуры, придают уникальность, неповторимость боборыкинскому декору. Необходимо добавить, что особенностями представленного комплекса является высокий процент сосудов со сложными геометрическими композициями (36 %), преобладание отступающе-прочерченной техники нанесения орнамента (около 50 % всего орнаментированного комплекса) над прочерченной (36 %) и напольчатой (39 %), а также присутствие в изломах венчиков единичных сосудов канальчиков от сгоревшего шнура.

Группа II по совокупности выделенных признаков идентифицирована как кошкинская. При этом сходство с комплексами основного ареала культурной традиции [Ковалева, Зырянова, 2008, с. 73–113] прослежено на уровне как форм изделий (включая наличие наплывов, скосов, карнизов, воротничков), так и орнамента (доминирование отступающе-прочерченной техники (80 % комплекса), преобладание линейных и волнистых элементов и мотивов (70 %), минимальный процент сложных геометрических фигур (5 %), способы построения композиций, зональность орнамента и т.д.). Наиболее близкие аналогии выделенной группе прослеживаются в материалах поселений бассейнов рек Тобола и Исети (памятники южного берега Андреевского озера (ЮАО V–XV), Кошкино V, Ташково III и др.). Необходимо отметить также присутствие на единичных сосудах комплекса некоторых черт, присущих ранним козловским емкостям Зауралья (слегка вытянутые пропорции, «массивный» характер орнамента, геометризм), что не противоречит тезису о сосуществовании носителей этих традиций на определенном этапе [Мосин, Епимахов, 2018, с. 113].

Изложенные выше факты позволяют констатировать следующее:

— на территории Нижнего Приишимья зафиксирован керамический комплекс раннего неолита (конец VII тыс. до н.э.), идентифицируемый как боборыкинский;

— данная группа посуды, несомненно, входит в круг ранних материалов «плоскодонного неолита», выделяемых исследователями на обширной территории от восточных склонов Урала и Кондинской низменности через бассейн р. Иртыша и до Барабы (сатыгинские, мулымьинские, амнинские, каюковские и комплексы Барабы) [Чаиркина и др., 2020], но в то же время отличается от них наиболее выразительными «боборыкинскими» чертами, что, в свою очередь, ставит вопрос о Нижнем Приишимье (Тоболо-Ишимье?) как территории существования носителей ранней боборыкинской традиции (этап) и ее последующего распространения и трансформации в Зауралье (западный вектор);

— совместное залегание боборыкинской и кошкинской групп посуды в жилищах надежно документирует не только их синхронность в раннем неолите, но и факт контактов и проживания в рамках одного социума носителей этих культурных традиций;

— выделенные группы сосудов на уровне морфологии и орнамента предстают в сформировавшемся, целостном состоянии, что свидетельствует именно о сосуществовании двух культурных групп на поселении, а не о трансформации одной традиции в другую.

Заключение

Анализ представленных комплексов мергенской коллекции позволил вновь поднять вопрос о культурно-хронологических позициях боборыкинских и кошкинских комплексов Зауралья и сопредельных территорий Западной Сибири, наметить, в свете появления новых данных (корпус ранних дат, факт сосуществования и т.д.), направления значительной корректировки предложенных ранее схем формирования и развития этих культурных традиций. Кроме того, выявление факта сосуществования носителей двух традиций в рамках одного социума позволяет наметить и пути возможного объяснения «многообразия» боборыкинской посуды именно через призму контактов носителей разных культурных традиций.

Исследователи уже отмечали присутствие кошкинских черт в боборыкинских комплексах. Е.Н. Волков, характеризуя боборыкинскую коллекцию поселения Двухозерное-1 (слияние Тобола и Исети) указывал, что «значительная часть посуды поселения декорирована по орнаментальным канонам, присущим в большей мере кошкинским, нежели боборыкинским древностям... В то же время основная часть керамической коллекции памятника орнаментирована в типично боборыкинском стиле... Некоторые «кошкинские» черты на керамике, по всей видимости, следует рассматривать сквозь призму генетической близости кошкинских и боборыкинских древностей, причину которой, однако, предстоит объяснить» [2001, с. 21]. А.Ф. Шорин и А.А. Шорина высказали предположение о важной роли кошкинских и, вероятно, козловских древностей в формировании басьяновских как «лесного варианта боборыкинской культуры» (поздний неолит) [2020, с. 51]. Кроме того, на присутствие признаков связей боборыкинского населения со степным кругом культур в лице носителей маханджарской традиции в материалах поселений бассейна Тобола обращает внимание Е.С. Яковлева, а по мнению И.В. Шевниной, маханджарские сосуды поселения Бестамак «имеют прямые аналогии с басьяновско-боборыкинской традицией» [2019, с. 164–165; 2018, с. 72].

Таким образом, тезис о закрытости боборыкинских коллективов (как мигрантов) как для раннего, так и для позднего этапа неолита представляется несостоятельным. Контакты и связи с носителями различных традиций, различных территорий и ландшафтных зон имели, судя по всему, в том числе семейно-брачный характер, что закономерно находило отражение в появлении синкретичных керамических комплексов. Не являются исключением в этом отношении и материалы поселения Мергень 6 в Нижнем Приишимье, о чем речь пойдет в последующей статье, где будут представлены группы сосудов III и IV.

Финансирование. Исследование выполнено по госзаданию, проект № 121041600045-8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобров В.В.* Хроностратиграфия памятников «плоскодонного» неолита Западной Сибири // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2020. Т. 19. № 7: Археология и этнография. С. 150–163. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-7-150-163>
- Волков Е.Н.* Боборыкинский комплекс поселения Двухозерное-1 // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. С. 12–25.
- Еньшин Д.Н.* К вопросу о хронологических позициях боборыкинских и кошкинских комплексов в Нижнем Приишимье (по материалам поселения Мергень-6) // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2020. Т. 19. № 7: Археология и этнография. С. 203–215. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-7-203-215>
- Зах В.А.* Появление керамики в Западной Сибири: (К обсуждению проблемы) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4 (43). С. 20–31. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-43-4-020-031>
- Зах В.А.* Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.
- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю.* Историография и обзор основных памятников кошкинской культуры Среднего Зауралья // ВАУ. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. Вып. 25. С. 73–113.
- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю.* Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. Екатеринбург: Учеб. книга, 2010. 308 с.
- Мосин В.С.* Сравнительная хронология зауральского неолита: лес-степь // XXI Уральское археологическое совещание: Материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. С. 57–59.
- Мосин В.С., Елпихов А.В.* Радиоуглеродная хронология раннего неолита Зауралья: Пространственный аспект // УИВ. 2018. № 3 (60). С. 108–114. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-3\(60\)-108-114](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-3(60)-108-114)
- Сальников К.В.* Новый вариант раннебронзовой культуры Зауралья // КСИА. 1961а. № 85. С. 3–10.
- Сальников К.В.* Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья // СА. 1961б. № 2. С. 37–48.
- Цетлин Ю.Б.* Керамика: Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2017. 346 с.

Чаиркина Н.М., Беспрозванный Е.М., Молодин В.И. Комплексы с плоскодонной керамикой в неолите Зауралья и Западной Сибири: современное состояние проблем изучения // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2020. Т. 19. № 7: Археология и этнография. С. 34–43. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-7-34-43>

Шевнина И.В. Керамический концерт маханджарской культуры в системе неолитических древностей Евразийских степей // Вестник ЮУрГУ. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2018. Т. 18. № 4. С. 63–74.

Шорин А.Ф., Шорина А.А. Миграции в неолите Зауралья в свете радиоуглеродной хронологии // Stratum plus. 2020. № 2. С. 31–56.

Яковлева Е.С. Следы маханджарской культуры в лесостепном Притоболье // Самар. науч. вестник. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 158–166. <https://doi.org/10.24411/2309-4370-2019-13208>

Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Grootes P.M., Guilderson T.P., Hafflidason H., Hajdas I., Hatt'e C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Staff R.A., Turney C.S.M., & van der Plicht J. IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years cal BP // Radiocarbon. 2013. 55 (4). 1869–1887.

Enshin D.N.

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: Dimetrius666_72@mail.ru

Neolithic ceramic complex of the settlement of Mergen 6 in the Lower Ishim (groups I and II): characteristics and interpretation

The article discusses a ceramic complex (groups I and II) of the early Neolithic settlement of Mergen 6 (Lower Ishim River region, Western Siberia, 7th millennium BC). The aim of the work is to analyze the materials from the perspective of the cultural and chronological correlation of the Boborykino and Koshkino antiquities of the Trans-Urals. The research is based on the elements of the historical-cultural and formal-classification approaches. The source base consists of 236 vessels. As a result of the analysis carried out in several stages (morphology of the vessels, tool and technique for applying ornamentation, structural components of the decor, nature of the system organization of the ornamental components, relationship of the image components with the structure of the vessels' shape), it was found that the products of group I correspond to the Boborykino cultural tradition, and group II — to the Koshkino. The simultaneous occurrence of these vessels made it possible to speak of the coexistence within the same society of representatives of the traditions of their manufacture. On this basis, there has been proposed a clarification of several positions regarding the pattern of the cultural and chronological development of the Boborykino antiquities in the Trans-Urals. The emergence of an early flat-bottomed ceramic complex in the River Ishim region allows it to be included in the range of materials of a similar appearance (Satygin-sky, Mulyminsky, Amninsky, Kayukovsky, Barabinsky) identified in the mountain-forest Trans-Urals, Kondinsky lowlands, Irtysh River region and Baraba. Identification of the Mergen vessels of group I as belonging to the Boborykino Culture, dating from the Early Neolithic, makes it possible to pose the question of identifying the early phase of the antiquities of this cultural group. Location of the Koshkino and Boborykino groups of vessels in the same sites attests to the coexistence and contacts of the two traditions and their mutual influence.

Keywords: Early Neolithic, Western Siberia, Lower Ishim River Region, Mergen 6, ceramic complex, Boborykino culture, Koshkino Culture.

Funding. The research was carried out on the basis of the state assignment, the project No. 121041600045-8.

REFERENCES

Bobrov, V.V. (2020). The Issue of Western Siberia's "Flat-Bottomed" Neolithic Research (Chrono-Stratigraphic Aspect). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istorii, filologiya*, 19(7), 150–163. (Rus.). <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-7-150-163>

Chairkina, N.M., Besprozvannyi, E.M., Molodin, V.I. (2020). The Complexes with Flat-Bottomed Ceramics in the Neolithic of the Urals and Western Siberia: Current State of the Problems of Study. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istorii, filologiya*, 19(7), 34–43. (Rus.). <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-7-34-43>

Enshin, D.N. (2020). The Chronological Positions of the Boborykino and Koshkino Complexes in the Lower Ishim River Region (Based on Materials of the Mergen-6 Settlement). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istorii, filologiya*, 19(7), 203–215. (Rus.). <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-7-203-215>

Kovaleva, V.T., Zyryanova, S.Yu. (2008). Historiography and an overview of the main sites of the Koshkino culture in the Middle Urals. *Voprosy arkheologii Urala*, (25), 73–113. (Rus.).

Kovaleva, V.T., Zyryanova, S.Yu. (2010). *The Neolithic Period of the Middle Urals: Boborykino culture*. Ekaterinburg: Uchebnaia kniga. (Rus.).

Неолитический керамический комплекс поселения Мергень 6 в Нижнем Приишимье...

Mosin, V.S. (2018). Comparative chronology of the Trans-Ural Neolithic: forest-steppe. In: A.A. Vybornov (Ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. Samara: Samarskii gosudarstvennyi sotsial'no-pedagogicheskii universitet, 57–59. (Rus.).

Mosin, V.S., Epimakhov, A.V. (2018). Radiocarbon chronology of the Trans-Urals neolithic: spatial aspect. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 60(3), 108–114. (Rus.). [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-3\(60\)-108-114](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-3(60)-108-114)

Reimer, P.J., Bard, E., Bayliss, A., Beck, J.W., Blackwell, P.G., Bronk Ramsey, C., Grootes, P.M., Guilderson, T.P., Hafliðason, H., Hajdas, I., Hatt'e, C., Heaton, T.J., Hoffmann, D.L., Hogg, A.G., Hughen, K.A., Kaiser, K.F., Kromer, B., Manning, S.W., Niu, M., Reimer, R.W., Richards, D.A., Scott, E.M., Southon, J.R., Staff, R.A., Turney, C.S.M., & van der Plicht, J. (2013). IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years cal BP. *Radiocarbon*, 55(4), 1869–1887.

Sal'nikov, K.V. (1961a). A New Variant of the Early Bronze Culture of the Trans-Urals. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, (85), 3–10. (Rus.).

Sal'nikov, K.V. (1961b). Experience in the classification of ceramics of the forest-steppe Trans-Urals. *Sovetskaya arkheologiya*, (2), 37–42. (Rus.).

Shorin, A.F., Shorina, A.A. (2020). Neolithic Trans-Ural Migrations in the Light of Radiocarbon Chronology. *Stratum plus*, (2), 31–56. (Rus.).

Tsetlin, Iu.B. (2017). *Ceramics: Concepts and Definitions of the Historical-and-Cultural Approach*. Moscow: Institut Arkheologii Rossiiskoi Akademii Nauk. (Rus.).

Volkov, E.N. (2001). Complex of Boborykino of the settlement of Dvuhozernoe-1. In: *Problemy izucheniia neolita Zapadnoi Sibiri*. Tiumen': Institut problem osvoeniia Severa SO RAN, 12–25. (Rus.).

Yakovleva, E.S. (2019). Traces of Mahanjar culture in the forest-steppe Tobol region. *Samarskii nauchnyi vestnik*, 28(3), 158–166. (Rus.). <https://doi.org/10.24411/2309-4370-2019-13208>

Zakh, V.A. (2009). *Chronostratigraphy of the Neolithic and Early Metal of the forest Tobol-Ishim basin*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Zakh, V.A. (2018). Origin of pottery in Western Siberia (to the discussion of the problem). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 43(4), 20–31. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2018-43-4-020-031>

Еньшин Д.Н., <https://orcid.org/0000-0001-6970-2359>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 27.05.2021

Article is published: 27.08.2021